

Девятое число девятого месяца, праздник Двойной девятки. Небо высокое и ясное, облака редкие, а склоны гор окрасились во все оттенки осени.

Каменная лестница, ведущая к задним горам Академии Цинъюнь, извиваясь, уходила вверх и терялась в пестром осеннем убранстве. Ученики, разбившись на небольшие группы, неспешно поднимались по ступеням, и их оживленный смех то и дело вспугивал лесных птиц.

Линь Янь поначалу был полон энтузиазма. Подобно вырвавшейся из клетки пташке, он скакал впереди всех, то и дело срывая ветку и постукивая ею по сторонам. Однако гора, казавшаяся на вид невысокой, на деле оказалась бесконечной. Не прошло и получаса, как его пыл, словно проколотый мяч, мгновенно иссяк.

— Фух... фух... — Линь Янь тяжело дышал, его щеки покраснелись, а на висках выступили мелкие капельки пота, приклеившие к лицу несколько непослушных прядей черных волос.

Ноги, словно налитые свинцом, дрожали от усталости при каждом шаге. Опираясь на выступающий из земли валун, он наотрез отказался двигаться дальше.

— Се... брат Се...

Он обернулся, в его голосе слышалась тяжелая одышка и неприкрытая мольба. Блестящими глазами он жалобно смотрел на Се Сяо, который шел в нескольких шагах позади. Линь Янь протянул руку и намертво вцепился в широкий рукав индигового халата Се Сяо.

— Не могу... больше не могу... мои ноги... они будто не мои...

Се Сяо остановился, почувствовав, как его дернули за рукав. Он обернулся и перевел взгляд на покрасневшее, вспотевшее личико Линь Яня, на котором крупными буквами было написано: «Спаси меня».

Юноша стоял, приоткрыв рот и часто дыша, его грудь вздымалась, а прилипшие к чистому лбу влажные пряди волос делали его похожим на увядшую под солнцем травинку.

Подул горный ветер, принеся издалека неясные обрывки разговоров других учеников.

Брови Се Сяо едва заметно дрогнули. Он молча посмотрел на бесконечную лестницу, затем на Линь Яня, который, не отпуская его рукава, наотрез отказывался сдвинуться с места. В глубине его глаз промелькнуло бессилие.

В конце концов, не сказав ни слова, он перехватил запястье Линь Яня своей левой рукой — той самой, за которую его держал юноша — и властно взял инициативу в свои руки.

— Идем, — произнес он низким, не терпящим возражений голосом.

Линь Янь почувствовал, как запястье сжало, и непреодолимая сила, исходящая от прохладной ладони Се Сяо, потянула его вверх. Се Сяо шел небыстро, но необычайно твердо.

Линь Янь, по сути, двигался на буксире, то и дело спотыкаясь, но, к собственному удивлению, не падая. Рука Се Сяо стала его единственной опорой: почти весь свой вес он перенес на эту, на вид тонкую, но скрывающую удивительную силу руку.

— Эй... помедленнее... брат Се... — пыхтел Линь Янь, тихонько жалуясь. Он поднял голову и посмотрел на жесткую линию челюсти Се Сяо. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь листву, падали на лицо юноши, и, хотя на нем не отражалось никаких эмоций, Линь Яню почему-то стало... спокойно?

Так, волочась следом, они наконец добрались до вершины.

— Ох! Устал... до смерти устал... — едва ступив на плоский валун на вершине, Линь Янь обмяк, словно лапша, из которой вынули кости, подался вперед и всем телом со всего маху врезался в спину Се Сяо.

Теплый, влажный от пота вес навалился внезапно.

Се Сяо мгновенно напрягся, словно натянутый лук. Ощущение тепла, исходящее от спины, и частое, горячее дыхание юноши, просочившееся сквозь тонкую ткань индигового халата, отчетливо отпечатались на его коже. Он чувствовал, как бешено колотится сердце Линь Яня.

Се Сяо машинально хотел сделать шаг вперед, чтобы отстраниться.

Но в тот же миг из-за спины раздался обессиленный стон Линь Яня, словно он вот-вот готов был испустить дух:

— Брат Се... не двигайся... дай мне... прислониться... перевести дух... всего разок...

Голос звучал слабо и жалко, с ноткой безоговорочного доверия.

Се Сяо замер на месте, словно каменное изваяние. Поздний осенний ветер, принося прохладу, развеивал полы его халата и теребил влажные волосы на лбу Линь Яня.

Он отчетливо чувствовал тяжесть прильнувшего к нему тела. Дыхание Линь Яня, отдающее солоноватым запахом пота, щекотало его шею. Это ощущение было странным и... обжигающим.

Кадык Се Сяо едва заметно дернулся. Он заставил себя смотреть вдаль. Горные хребты под осенним солнцем пестрели красками, а деревни у подножия напоминали рассыпанные шахматные фигуры, над которыми вились тонкие струйки дыма.

Под прикрытием широкого рукава его левая рука едва заметно шевелилась: кончики пальцев отстукивали ритм, а световая панель на запястье беззвучно фиксировала потоки данных об этом величественном пейзаже.

Время тянулось медленно, пока Линь Янь наконец не выровнял дыхание и неохотно, неспешно не выпрямился.

— А-а... я ожил... — он потер ноющую поясницу, и на его лице вновь появилась жизнь. Он даже не заметил темного пятна от своего пота на спине Се Сяо и слегка напряженной позы того.

...

В глубине осени из столовой академии неожиданно потянуло аппетитным ароматом — наступила пора самых жирных крабов. Как только открыли пароварки, оттуда повалил пар, и на столы учеников подали крупных крабов с синими панцирями и белыми брюшками, полных икры.

Линь Янь смотрел на лежащего перед ним грозного зверя, его глаза сияли, а слюнки едва не текли.

Но когда восторг утих, он взял маленькие серебряные щипчики и долго примеривался, не зная, с чего начать. Он стучал по панцирю, тыкал в него, но в итоге смог выковырять лишь крошечный кусочек мяса из ножки, перепачкав при этом все руки.

Он досадливо нахмурился и невольно покосился на Се Сяо.

Тот действовал спокойно и изящно, словно занимался не разделкой краба, а созданием тонкого произведения искусства. Легкий удар молоточком, ловкое движение инструментом — и панцирь послушно открывался, обнажая золотистую икру и нежное белое мясо.

Его длинные пальцы двигались плавно, словно вода, и вскоре перед ним появилась аккуратная горка очищенного мяса.

Линь Янь смотрел на это, не моргая, и невольно сглотнул.

Се Сяо, казалось, почувствовал на себе этот жгучий взгляд. Он повернул голову и встретился с глазами Линь Яня — блестящими, полными мольбы и беспомощности, точно у щенка, ожидающего подачки.

Се Сяо помедлил. Он посмотрел на свою тарелку с мясом, затем на останки краба перед Линь Янем, превращенные в хаос.

Помолчав пару мгновений, Се Сяо без всякого выражения пододвинул свою тарелку с дымящимся крабовым мясом к Линь Яню. Край тарелки тихо звякнул о керамическую чашу.

— ... — Линь Янь замер, а затем его захлестнула волна восторга! Он тут же придвинул тарелку к себе, зажмурился от удовольствия, подхватил палочками большой кусок золотистой икры и отправил в рот, довольно мурлыча: — М-м! Вкусно! Брат Се, ты такой хороший!

Он в два счета расправился с угощением и, облизнувшись, с самым невинным видом пододвинул своего почти нетронутого краба Се Сяо.

— Брат Се! — звонко и уверенно произнес он, с той самой детской непосредственностью: — Почисти мне!

Се Сяо: «...»

Он смотрел на «задание», подсунутое прямо под нос, и на выражение лица Линь Яня, которое гласило: «Ты чистишь, я ем — это само собой разумеется». Пальцы, сжимавшие инструмент, едва заметно дрогнули. На виске, казалось, задергалась жилка.

В конце концов, под любопытными и насмешливыми взглядами окружающих, Се Сяо не произнес ни слова.

Он лишь молча придвинул краба к себе и принялся за работу. Правда, в этот раз его движения были какими-то особенно медленными и старательными.

...

После нескольких осенних дождей окончательно похолодало. Горный ветер, пронизывающий до костей, срывал пожелтевшую листву.

В тот день Линь Фу снова приехал в академию. Помимо двух традиционных ящиков с «припасами», он привез толстое письмо из дома.

Линь Янь, скрестив ноги, сидел на кровати и вскрывал конверт. Знакомый, чуть резковатый почерк отца сразу бросился в глаза. Каждая строчка была пронизана тоской и заботой о младшем сыне: отец спрашивал, как ему живется в академии и как успехи в учебе (Гогун явно питал несбыточные надежды). В конце письма тон сменился на более серьезный: приближается конец года, нужно обязательно вернуться домой для встречи праздника. Мать и сестра-наложница тоже скучают и ждут его.

От бумаги пахло тушью и домашним теплом. Линь Янь читал, и у него предательски защемило в носу. Почти год прошел с тех пор, как он покинул дом. Он скучал по теплым объятиям матери, по строгому, но любящему взгляду отца, по изысканным сладостям и шумной жизни в покоях сестры... Он почти видел, как в поместье Гогун украшают дом к празднику.

Сильное желание вернуться домой охватило его.

Но на полпути это чувство словно наткнулось на невидимую стену. Взгляд Линь Яня невольно скользнул к столу напротив.

Се Сяо сидел, погруженный в чтение (или, вернее, в изучение световой панели). Тусклый свет масляной лампы очерчивал его тонкий профиль, выражение лица было сосредоточенным и отстраненным. В этом свете его индиговый халат казался еще более холодным.

Вернуться в столицу на Новый год... это значит, что как минимум два месяца он не увидит брата Се.

Эта мысль всплыла внезапно, словно камешек, брошенный в спокойную гладь озера, пустив круги по воде.

В радостное предвкушение возвращения домой примешалось что-то необъяснимое... нежелание уезжать?

Он привык, что, открывая глаза, первым делом видит это холодное лицо, привык машинально хвататься за его прохладную руку, привык подсовывать ему непонятные книги, привык делиться всем вкусным и интересным... Кто теперь будет чистить ему крабов, мазать ссадины мазью, терпеть его ночные пробуждения или таскаться с ним повсюду?

Он еще не успел вдоволь «прильнуть к сильной ноге»! А вдруг за эти два месяца они станут чужими? А вдруг брат Се забудет его? В книгах ведь не написано, хорошая ли память у будущих премьер-министров!

Линь Янь сжимал письмо, его личико то озарялось глупой улыбкой, то вновь хмурилось.

...

Через несколько дней до отъезда оставалось совсем немного. Линь Янь начал собирать вещи. Он побросал в сундуки роскошные шелка и нефритовые безделушки, торопясь закончить сборы.

Закончив, он подбежал к столу Се Сяо, который неспешно наводил порядок в свитках.

— Брат Се! — голос Линь Яня звучал нарочито бодро, но в глубине глаз прятались тревога и нежелание расставаться. — Я... я через два дня уезжаю в столицу на праздники! На два месяца, наверное!

Пальцы Се Сяо, перебиравшие свитки, замерли. Он поднял глаза на Линь Яня.

Линь Янь почувствовал себя неловко под этим взглядом, машинально протянул руку и ухватился за рукав Се Сяо, легонько его подергав.

Он поднял личико и постарался сделать взгляд максимально искренним и печальным:

— Брат Се... ты... води себя в академии хорошо! Помни... помни обо мне! Я... я очень скоро вернусь! — голос его становился все тише, и последние слова «помни обо мне» он почти проглотил, чувствуя смущение и ожидание.

В его ярких глазах, как в двух чистых омуты, отражался Се Сяо, а вместе с ним — капелька робкой, чистой привязанности.

Се Сяо перевел взгляд с пальцев Линь Яня на его глаза. В глубине его черных зрачков что-то едва заметно дрогнуло. Он молча смотрел на юношу несколько секунд.

Горный ветер завывал в щелях оконных рам.

Наконец Се Сяо едва заметно, почти неуловимо кивнул. Из глубины его горла вырвался низкий, неясный звук:

— ...М-м.

Голос был тихим, словно упавшее перышко. Но Линь Янь услышал его. Его лицо мгновенно озарила сияющая улыбка, словно он получил величайшее обещание. Глаза превратились в полумесяцы, показались клыки. Он выпустил рукав, чувствуя полное удовлетворение.

— Договорились! — он радостно развернулся и снова принялся возиться со своими сундуками.

Се Сяо стоял на месте, глядя на веселую спину юноши. На рукаве, казалось, еще сохранилось тепло от его пальцев. Он опустил взгляд, бессознательно потирая ткань, а затем вновь принял свой обычный отстраненный вид и продолжил разбирать свитки. Правда, движения его стали чуточку медленнее.

...

За день до отъезда Линь Янь набил оба сундука до отказа, хлопнул в ладоши и оглядел учебный корпус Чжу, в котором прожил почти год. Взгляд скользнул по аккуратному столу напротив и остановился на маленьком парчовом мешочке у изголовья его кровати.

Он подошел, открыл мешочек и достал оттуда теплый, безупречно чистый нефритовый кулон из бараньего жира. Кулон был небольшим, с вырезанным узором облаков — вещь, которую он носил с самого детства и которая была символом его статуса в поместье Гогун.

Он сжал кулон в пальцах, ощущая привычное тепло, и на мгновение заколебался. Затем, словно приняв решение, подошел к Се Сяо.

Тот как раз отложил свиток и собирался встать.

— Брат Се! — Линь Янь вложил кулон в ладонь Се Сяо, действуя так быстро, что тот не успел отказаться. Теплый нефрит лег на прохладную ладонь, сохранив тепло пальцев юноши.

— Это тебе!

Линь Янь, задрав голову, с сияющими глазами смотрел на Се Сяо. В его голосе звучала важность вперемешку с детской властью:

— Когда меня не будет рядом... ты смотри на него и вспоминай меня! Береги его! Не потеряй! И никому не отдавай!

Сказав это, он, боясь отказа, не дожидаясь ответа, развернулся и выскочил за порог, подобно юркому кролику. В коридоре затихли его торопливые шаги.

Се Сяо стоял на месте, сжимая в руке внезапно полученный дар.

Нефрит излучал тепло, контрастирующее с прохладой его ладони. Узор облаков был четким и изящным — вещь явно была очень дорогой и любимой.

Он посмотрел вниз. На краях кулона, казалось, все еще оставалось тепло пальцев Линь Яня. В ушах все еще звучали слова: «Смотри на него и вспоминай меня!»

Горный ветер ворвался в открытую дверь, колыша полы халата. Вдалеке слышался звонкий голос Линь Яня, отдающего распоряжения слугам.

Се Сяо медленно сжал длинные пальцы, пряча нефрит в ладони. Тепло, казалось, просочилось сквозь кожу прямо к сердцу.

Он поднял голову и посмотрел в сторону, куда убежал юноша. На его обычно невозмутимом лице, в уголках губ, едва заметно промелькнула слабая, почти невидимая улыбка.

Словно на поверхность замерзшего озера упал маленький камешек, пустив круги, которые никто, кроме него, не мог увидеть.

<http://bllate.org/book/19996/1971893>